

**НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ**

КЛАССИК СОВЕТСКОГО ДЕТЕКТИВА

**НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ**

ТРАКТИР НА ПЯТНИЦКОЙ

**МОСКВА
2017**

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

В оформлении обложки использована иллюстрация
художника *А. Шпакова*

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Трактир на Пятницкой / Николай Леонов. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Николай Леонов — классик советского детектива).

ISBN 978-5-699-95630-2

Москва двадцатых годов прошлого столетия... Период НЭПа. Сияют витрины богатых магазинов, переливаются огнями вывески роскошных ресторанов. А в шумном трактире на Пятницкой широко гуляет ловкий карманник Пашка Америка, хмуро сидит за столом налетчик Серый, окруженный своими уркаганами — словом, бурлит лихая уголовная жизнь, жестокая и отчаянная. Именно здесь сыщики начинают свою тайную операцию по ликвидации опасной банды.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Леонов Н., наследники, 2017
ISBN 978-5-699-95630-2 © Оформление. 000 «Издательство «Э», 2017

Глава первая

ПАШКА АМЕРИКА

Пашка стоял на излюбленном месте — у мануфактурной лавки Попова. Переваляло за полдень, стало жарко, а клиент не появлялся. Два раза можно было взять по мелочи, и приказчик Федор многозначительно подымал бровь, но Пашка не шевелился и провожал мелкую рыбешку равнодушным взглядом. На то он и был Пашка Америка, фартовый вор, известный каждому деловому человеку на Пятницкой, Ордынке, Кадашах и даже Сухаревке, чтобы не разменивать себя на пятаки.

Федор постучал в окно, и Пашка вошел в лавку.

— Что же ты? — выдохнул Федор. Он копался в своих книгах и исподлобья поглядывал на Пашку. — Милльона ждешь?

— Подсказчик липовый. Грошова твоя душа, — Пашка длинно сплюнул на дощатый пол. — У старухи если и есть червонец, так она его из рук не выпустит, а краля зашла на твой барахляный товар позевать, у нее, кажись, и на трамвай нету...

Федор открыл было рот, но дверной колокольчик предостерегающе звякнул, и приказчик заспешил навстречу покупателю.

Пашка посмотрел на щуплую дамочку, прижимающую к груди выдавший виды ридикюль, профессионально определил, что она сегодня не завтракала и обедать пока не собирается, пнул ногой дверь и вышел на улицу.

Лавка эта была хороша для Пашки и тем, что стояла на пути к большим магазинам, и все, кто отправлялся за покупками, обязательно заглядывали в нее. А Пашка уж безошибочно определял, есть ли у человека деньги, где они лежат и стоит ли связываться. Пять дней назад он здесь наколот жирного гуся, который принес Пашке двадцать червонцев. Но это было

пять дней назад, а сейчас от этих червонцев осталась лишь головная боль.

Пришло время обедать, и он бодро зашагал по Пятницкой. Чумазый парнишка на углу торговал папиросами. Увидев Пашку, он ловко подхватил спадающие штаны и, шлепая по булыжникам коваными подошвами солдатских ботинок, подбежал к Пашке.

— Завязал, Америка? На сегодня контора закрыта? — спросил он.

— Перерыв на обед, Шкет Иванович. Скоро вернусь. Ты жди, сегодня будет удача.

— Купи папиросочку, Америка. Сделай почин, поддержи мою коммерцию, — пацан протянул раскрытую пачку «Люкса».

— Уговорил, купец, — Пашка взял пару папирос, одну бросил в рот, а другую заложил за ухо.

— Прошу, гражданин-товарищ-барин, — в одно слово выпалил пацан, артистически взмахнул рукой, и в заскорузлой ладошке заплясал огонек спички. — Прикурите-с. Четвертачок, Америка.

— На обратном пути, купец. Смотри штаны не потеряй, — Пашка шлепнул его по затылку и пошел в пивную Когана, где мог перекусить в долг. По дороге он думал, что удачи сегодня не будет. И если бы он спьяну вчера не обещал Нинке отметить ее день рождения в «Балчуге», то пошел бы сейчас спать. Какая же работа с похмелья!

Увидев Пашку, старик Коган быстро налил кружку пива, наложил на тарелку сосисок и швырнул ее по стойке. Кружка с тарелкой, как связанные, скользнули по белой жести и остановились перед Пашкой. Пока он ел, старик с полотенцем в руках сидел рядом, молчал, вздыхал и смотрел на Пашку грустными слезящимися глазами.

— На мели сидишь. Может, передумал, Паша? — спросил он, когда Пашка отодвинул пустую тарелку и закурил. — По краешку ходишь, не ценишь себя. С твоей внешностью и моим опытом мы бы такую коммерцию организовали!

— Не тарахти. — Пашка встал. — Расплачусь позже.

— Подожди, — старик взял его за рукав. — Утром заходили двое, расспрашивали.

— Знаю я их, — Пашка рыгнул и потянулся. — Районная уголовка. Я им ни к чему. Они рабоче-крестьянскую собственность берегут. Их такие, как Серый, интересуют. Только не вздумай капать. У Серого разговор короткий, — Пашка провел большим пальцем по горлу. — Понял?

— Серый сегодня был. Так я его предупредил, а он смеется.

— Ну-ну, — Пашка махнул рукой и вышел на улицу.

И тут он увидел человека, которого ждал полдня. Увидел, не поверил глазам и зажмурился. Может, он пропадет, развеется как дым? Но тот упрямо стоял, держал в руках бумажник и был красив в своей фраерской непосредственности. Это был толстый мужчина. По шелковой бабочке, галифе и мягким хромовым сапогам Пашка определил, что фраер залетный, то есть не москвич. Он покупал какую-то дребедень в открытой лавке и держал в руках

бумажник, а тот раздувался и готов был лопнуть, как фаршированная щука.

Пашка смахнул со лба выступивший пот, вытер руки и подошел ближе. Мужчина, самодовольно улыбаясь, оглядел разложенный на прилавке товар и сказал:

— Эту... как ее... — он пальцем очертил над головой круг.

— Шляпу, — подсказал продавец и повторил: — Шляпу, — внимательно посмотрел на покупателя, — гражданин желает шляпу... Так, так, — продавец пожевал губами, взял одну шляпу, другую, положил на место. Потом решительно вынул из под прилавка соломенное канотье. — Пожалуйста, — он отвернулся и стал переключать на полке товары.

Станичник надел канотье, посмотрел на себя в зеркало и недовольно хмыкнул.

— Гражданин, — обратился к нему продавец, — где тот босяк, что торговал у меня шляпу? Простите! — Он прижал к груди руки. — Это вы?! Боже мой! В этой шляпе вы вылитый Чемберлен!

— Осади. Не на такого напал, — станичник снял канотье и бросил на прилавок.

Когда он отошел, продавец перегнулся через прилавок и тихо сказал Пашке:

— Не забудьте зайти за шляпой, молодой человек. Она вас ждет.

Пашка рассмеялся и опять вытер лоб. Он, не отрываясь, смотрел, куда же станичник положит бумажник.

Чудеса продолжались. Клиент сунул бумажник в задний — чужой, как его называют деловые люди, карман и пошел, широко расставляя ноги и задевая прохожих плечами.

Пашка двинулся следом, свистнул и, когда папиросник подлетел, бросил сквозь зубы:

— За мной. Возьми еще одного.

Клиент перешел мост, и Пашка испугался, что тот осядет в «Балчуге», а туда Пашке заходить было нельзя. Но клиент прошел мимо ресторана и направился в торговые ряды.

На углу перед торговыми рядами стоял карманник Колька Свищ. Он увидел

толстяка и сделал стойку. Проходя мимо, Пашка ткнул его локтем в живот и услышал за спиной завистливый шепот:

— Фартовый ты, Америка.

Пашка не стал спорить. Наступали решающие мгновения. Надо подойти вплотную. И все. Только подойти.

Пацаны крутились рядом и ждали сигнала.

Толстяк остановился у рыбной лавки и, разинув рот, уставился на огромного осетра, подвешенного за жабры.

— Я пошел, мальчики, — прошептал Пашка и бегом пустился к толстяку. На секунду он к нему прислонился, и бумажник переключался в Пашкины брюки, скользнул по колену и тяжело плюхнулся в потайной карман у щиколотки.

— Сколько же эта рыбина стоит? — Толстяк отставил ногу и подбоченился.

Рыбник перестал точить нож, посмотрел на толстяка, потом на Пашку и криво улыбнулся.

— Непродажный осетр. — Потом, видимо, не удержался и добавил: — Да

и денег-то у вас, гражданин хороший, нет.

Толстяк полез в карман, нахмурился и закричал.

Пашка стоял в двух шагах и удивленно смотрел на багровое лицо с вздувшимися веревками вен. Он знал, что его крестник будет кричать. Но такого крика Пашка еще никогда не слышал. На этот рокочущий, срывающийся на визг вопль как по команде откликнулись:

— Атас! Срывайся!

И в стороне замелькали вихры мальчишек.

Пашка посмотрел в спину рванувшемуся, как борзая, крестьянину и спросил рыбника:

— Так сколько же стоит этот осетр?

— Ладно, топай себе, Америка. Нечего зубоскалить, и так торговля ни хрена не идет.

— Каждому по труду, — Пашка развел руками и пошел. Бумажник тяжело мотался в брючине и бил по ноге. У «Балчуга» Пашка вновь увидел своего крестника.

Тот, отдуваясь и вытирая струившийся по жирной шее пот, что-то объяснял равнодушным прохожим. Пашка точно знал, что именно объясняет прохожим толстяк, и на всякий случай перешел на другую сторону. Он завернул в ближайший двор и, присев на ящик из-под пивных бутылок, вытянул свою добычу. Денег было много. Пашка даже не стал считать их, а просто сунул в карман тугую пачку хрустящих червонцев. Кожаный бумажник с монограммой он бросил за ящик. Жалко, но ничего не поделаешь. Так и сгореть недолго.

Пашка гоголем прошелся по Пятницкой. Дал червонец пацанам, которые уже торговали на своем углу. Купил у них пачку папирос и пообещал, что скоро придет опять. Остановился у лавки, где полчаса назад толстяк торговал канотье, заплатил за него вдвойне и, нахлобучив на голову, отправился к Когану.

— Эх, разменяйте мне сорок миллионов! — крикнул он, появляясь в дверях. — Получи-ка должок, — и бросил червонец на прилавок. — Да налей стопарик.

— Так не положено, Паша, — зашептал старик, быстро пряча деньги. — Я же на водку разрешения не имею.

— А ты налей две: одну мне, другую себе.

— Широкий ты человек, Америка. Недаром от тебя все девки без ума.

От удачи и водки у Пашки кружилась голова. Он решил зайти к Нинке, договориться с ней о вечере, кивнул старику и, громко хлопнув дверью, вышел на улицу. Хотел остановить лихача и подкатить к Нинкиной хате с шиком, но передумал. В неудобном месте жила девка — прямо напротив районной уголовки. На лихаче там появляться ни к чему. С Нинкой он гулял вторую неделю.

Пашка поравнялся с отделением милиции.

— Паша!

Он остановился и с недоумением посмотрел на незнакомую худенькую девушку.

— Угости папиросочкой, Америка, — сказала девчонка и отвернулась.